

УДК 81'42
ББК 81.2

Т.П. Трошкина

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТЕМЫ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

**(на примере романа
В. Аксенова «В поисках
грустного беби»)**

Статья посвящена проблеме лексической структуры произведения, времени и пространства в тексте. Анализ текстообразующей роли пространственных и временных номинаций позволяет сделать вывод о неразделенности понятий пространства и времени как об одном из факторов, оказавших огромное влияние на лексическое структурирование романа.

Ключевые слова: *индивидуальное видение мира, временной и пространственный планы, лексикоматематические группы.*

Трошкина Татьяна Петровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Казанского (Приволжского) федерального университета
Тел.: (843)277-10-31
E-mail: t_troshkina@mail.ru

Когнитивный подход в изучении пространства текста позволяет понять, что «язык – отнюдь не простое зеркало мира, а потому фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [Краткий словарь..., с. 83]. Чтобы лучше понять, что такое авторская художественная картина мира, логично «описывать саму картину мира как когнитивный уровень языковой способности личности. Именно личностные доминанты позволяют рассматривать художественный текст как определенную «когнитивную карту» и считать художественное произведение формой представления выражаемого содержания (смысла)» [Грунина, с. 145].

Тексты романов В.П. Аксенова, отражая определенное индивидуальное видение мира, образуют целостную разветвленную картину мира, т. е. несут в себе модель действительности, которая предполагает наличие как пространственных, так и временных характеристик. Рассмотрим эти положения на примере романа «В поисках грустного бэби». Содержание этого романа составляют воспоминания о новой жизни в Европе и Америке. Такие воспоминания и размышления характеризуются, прежде всего, противопоставлением повествования во времени и пространстве: прошлое – настоящее и соотношенными подобными планами между двумя пространствами Советского Союза и зарубежья.

Особенности содержания романа и лексических средств, использованных в его текстовом

воплощении, выступают во многом как следствие субъективной разделенности, а именно: наличия субъекта-повествователя (S-1) и субъекта повествования (S-2). Текстовые ипостаси одного субъекта соотношены в повествовании с разными пространствами, различными временными планами.

С каждым субъектом в тексте романа связана определенная картина мира в ее пространственно-временных ориентирах. Таким образом, в тексте романа переплетаются не только временной и пространственный планы, но и два в чем-то различных, а в чем-то похожих способа видения. В картинах мира субъекта-повествователя и субъекта повествования, с присущими им ориентирами и способами видения, фундаментальной значимостью обладают номинации временных и пространственных понятий, которые в великом множестве представлены в лексической структуре текста романа «В поисках грустного бэби».

Лексические темы пространства и времени рассматриваются в той последовательности, которая предполагается определением их связей, так как восприятие любой материальной сущности нельзя осуществить без определения ее пространственной природы как необходимого условия существования.

В лексической структуре текста анализируемого романа понятие *пространство* охватывает пространственные представления двух субъектов: субъекта-повествователя и субъекта повествования. Следовательно, учет двусубъектности повествования представляется одним из важнейших критериев выделения лексико-грамматических групп «пространство и время» в лексической структуре романа.

Текстовая лексико-грамматическая группа «пространство» определяется словами *там* и *тут*, входящими в лексическую структуру текста и обладающими самым общим противопоставлением. Слово *там* представляет пространство субъекта повествования в прошлом (студенчество, молодые годы, определенная известность). Слово *тут* является пространством субъекта-повествователя, пространством его настоящей жизни. Выделенные слова создают определенную базу для системной структурной организации текстовой лексико-грамматической группы пространства и имеют большое значение для выражения субъективированных пространственных отношений. Сравните: *там*, мест. нареч. В том месте, не здесь; *тут*, мест. нареч. То же, что здесь. [Ожегов, Шведова].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что данные слова образуют определенные пространственные границы и являются организующими личное пространство для субъекта-повествователя и субъекта повествования.

Текст романа изобилует именами собственными, в первую очередь топонимами: а) названия стран и континентов (Америка, Европа, Африка, Япония, Англия, Китай и др.); б) названия населенных пунктов (Париж, Милан, Вашингтон, Нью-Йорк, Филадельфия, Бруклин); в) названия особенностей географических рельефов (береговая линия

Флориды, плоскость Канзаса, зеленые склоны Вермонта, осенние холмы Вирджинии, необозримые пляжи Калифорнии) и многое-многое другое – для S-1. Для S-2: Советский Союз, Казань, Ленинград, Москва, бездорожье Рязанской области и др. (*Мы в Казани часами охотились на наших громоздких приемниках за обрывками этой музыки, а тут она присутствовала в своем полном блеске...*)

Нарицательные имена представлены именами существительными с пространственными семами, в пределах текстовой лексико-тематической группы они образуют своеобразную микрогруппу. В результате сплошной выборки а тексте романа «В поисках грустного бэби» выявлено более 700 пространственных номинаций.

Особого внимания заслуживают номинации так называемых *малых пространств*, которые обладают четким различием в своей субъективной отнесенности: *тут* (для S-1) *квартира, таможня, отель, номер, хозяйский дом, круг знакомых*; *там* (для S-2) *дом, кружок, друзья, Союз писателей, жилплощадь*. Слово *дом* для S-2 – это все то, что связано с прошлой жизнью в Советском Союзе, с жизнью не принимаемой, критикуемой и критически осмысленной автором. Интересным представляется следующий факт: смысловой объем слова *дом* не делает его особенно частотным в границах темы пространства. А общий смысл пространственных номинаций для S-1 (*тут*) составляет «не у себя дома», «временно». Сравните: *квартира* – жилое помещение в доме, имеющее отдельный вход, обычно с кухней, передней [Ожегов, Шведова].

В тексте романа частотными являются межсубъектные лексемы с пространственным значением: *местность, пустыня, горизонт, пространство, холмы, склоны, плоскость* и т.д.

Текстовая лексико-грамматическая группа *времени* структурируется в тексте романа лексическим противопоставлением слов *тогда* и *теперь*, где слово *тогда* представляет время, связанное с прошлой жизнью в Советском Союзе для S-2, а *теперь* – время, связанное с настоящей жизнью S-1. В текстовую лексико-тематическую группу *время* входят периоды жизни человека, различные календарные понятия, обозначения определенных промежутков времени, т. е. слова различных частей речи, обозначающие временные понятия. В результате сплошной выборки из текста романа извлечено 277 временных номинаций. Лексема *время* является в романе достаточно частотной.

Рассмотрим теперь лексико-тематические группы времени, структурированные лексическим противопоставлением *тогда* – *теперь*: *тогда* (для S-2) – молодость, студенчество, праздник, девушка, вечеринка, провинциальный стилижка, юноша; *теперь* (для S-1) – мужчина, писатель, уважаемый профессор, лектор, зрелость. Другие слова, входящие в текстовую лексико-тематическую группу, по-иному представляют отношение к двум субъектам: 1) слова *до сих пор, нынешний, с тех пор* соотносятся с субъектом-повествователем, говорят о важности прошлой жизни для S-1; указывают на длительность раздумий или действий во времени, разделенных двумя точками отсчета. Например: «Берусь утверждать, что

у русских, несмотря на десятилетия пропаганды, *до сих пор* еще не выработался антиамериканский комплекс. Русский, как ни странно, *до сих пор* относится к американцам как к своим»; 2) слова *навсегда* и *никогда* свидетельствуют о глубинной значимости для автора произведения событий прошлой жизни в СССР. Вот как, например, рассказывает В. Аксенов о знаменитой «бульдозерной» выставке: «Стоял блаженный день бабьего лета, и несколько тысяч человек... собрались... смотреть картины, шутить. Незабываемый день. Больше он *никогда* не повторится»; 3) слова *после*, *потом*, *затем* указывают на разобщенность точек отсчета времени для S-1 и S-2. Например: «Сейчас, *после* четырех лет жизни в этой стране, я все еще задаюсь вопросом, что вызывает у многих людей в Латинской Америке, в России и в Европе антиамериканские чувства такой интенсивности, что их иначе, как ненавистью, и не назовешь». Или: «*После* четырех лет жизни здесь можно твердо сказать, что американцы не любят унижать людей... ведь ты же *после* эмиграции в Париже, и в Иерусалиме, и в Лондоне, и в Берлине, и в Риме, где только не побывал»; 4) слова *сейчас*, *теперь* предстают средством соотнесения точек отсчета двух субъектов в процессе сопоставления и противопоставления планов прошлой и настоящей жизни. Местоимения *тот* и *этот* также принимают участие в соотношении отсчета времени для S-1 и S-2. Например: «Вы ведь *сейчас* не в России, сэр, правда? Вы *сейчас* в Америке, так?»; «Продвигаясь дальше к Тихому океану, я думал о том, что *теперь* надо ждать еще какой-нибудь гадости»; «Напротив, *сейчас* я гораздо яснее вижу, что в противовес тоталитарному декадансу в мире может возникнуть (или уже возникает) свежий мир либерализма и благородного неравенства».

Выявленные в романе «В поисках грустного бэби» текстовые лексико-тематические группы *пространство* и *время* представляют в своем составе субъективность восприятия времени и пространства, так как, по мнению Л.О. Чернейко, универсального знания и понимания объективных явлений, которые стоят за терминами *пространство* и *время* нет и быть не может, а знание всегда может замещаться определенным представлением; представление же, в свою очередь, в большинстве случаев является субъективным [Чернейко, 1994, с. 58 – 70; 2000, с. 57 – 68].

Лексемы пространства и времени в тексте романа теснейшим образом связаны с картиной мира конкретного языкового носителя и являются реализацией мировосприятия, миропонимания этого языкового носителя.

Важную роль в лексической структуре романа играет и текстообразующая функция номинации пространственных и временных представлений. В романе субъект-повествователь, воссоздавая содержание своего сознания периода проживания в Советском Союзе, воспроизводит в памяти ушедшее, пережитое, события, отдаленные в пространстве и во времени, и через память и ностальгию связывает их. *Память* и *носталь-*

гия становятся ключевыми лексемами в организации лингвистического тезауруса текста романа.

Как известно, В. Аксенов, он же субъект-повествователь, был лишен советского гражданства. Отсюда ностальгия писателя: это ностальгия не по СССР, а по русской культуре, под влиянием которой он сформировался, это тоска по временам своей молодости, по друзьям, оставшимся в прошлой жизни.

Человеку, приехавшему в другой мир, имеющему иной менталитет и свою систему нравственных ценностей, многое кажется странным и непонятным. Поскольку ностальгия – это память, а память связана со способностью к идентификации того, что когда-то было выучено и пережито, то в тексте романа отражена, как представляется, именно память о пережитом, эмоционально окрашенная память, благодаря чему происходит своего рода оживление опыта прошлого. Сравните: НОСТАЛЬГИЯ (книжн.). Тоска по родине, а также вообще тоска по прошлому [Ожегов, Шведова].

В данном случае *память* и *ностальгия* выступают как пространственно-временные рычаги управления опытом живой системы: «Недавно мне удалось совершить путешествие в недалекое прошлое, а именно в милое всему нашему поколению десятилетие шестидесятых годов. Увы, это были все-таки не ваши, не советские шестидесятые, а здешние, американские, но, тем не менее, все это было очень близко и даже лирично». Осмысливая свои впечатления от новой жизни, автор все время сравнивает реалии прошлой и настоящей жизни: «Разобравшись в своих ощущениях, я пришел к выводу, что мне в Америке *не хватает города, вернее моего города, еще точнее европейского города*, исторически сложившегося и обязательно с прикосновением (хотя бы малым). Здесь, – пишет Аксенов, – нет городской *ностальгии*, к городу относятся чисто утилитарно, поэтому так пусты после заката даунтауны Чикаго, Лос-Анжелеса, Детройта, поэтому так запущены мостовые Нью-Йорка... *Чужая ностальгия* особенно властвует в Лос-Анжелесе. Город без силуэта».

Подобное восприятие новой американской жизни свойственно не только автору романа, но и многим людям, волею судеб оказавшимся в эмиграции: «Поймать, ощутить, уловить жалкие попытки выброшенного из своего мира беженца, построить вокруг себя новую жизнь, *хоть чуточку напоминающую старую*... Вот почему мы выбираем Вашингтон после годовых скитаний. Здесь, на Капитолийском холме, между Конгрессом и Библиотекой, когда сквозь деревья со всех сторон просвечивают коллонады, ты можешь *вспомнить Санкт-Петербург*, перед раскрашенными фасадами Джорджтауна поймать ощущение отчужденной, но присутствующей Британии, в открытых кафе Дюпон-серкла нельзя не уловить дух Парижа». «Любопытно развивалась наша *городская ностальгия*. В поисках жилья... мы поселились на юго-западе. Задним числом, однако, мы поняли, что нашли этот район по принципу его безликости, то есть по принципу его похожести на иные *жилые районы Москвы*».

Мы даже стали называть этот район на советский лад *Звездным городком*, так как он напоминал офицерское поселение под *Москвой*».

В тексте романа «В поисках грустного бэби» первое «Я» (S-1) – это будущее второго «Я» (S-2) субъекта повествования, субъекта воспоминания о прошлом, который, в свою очередь, выступает как прошлое S-1. Этим создаются сложнейшие переплетения различного семантического типа лексем в лексической организации текста. Следует отметить, что субъект-повествователь является доминирующим, именно от него тянутся нити к создаваемой в тексте картине мира субъекта повествования (S-2). Подобное единство субъектов дает возможность проанализировать явления лексической структуры текста в целом, ориентируясь в ходе анализа на ассоциативные связи, которые оживляют воспоминания о событиях, закрепленных в памяти.

Эмоциональная память, наряду с понятийной и словесной, опирается на визуальное ощущение. В тексте лексическими средствами отмечены индивидуальные представления, ощущения, мотивированные особенностями запоминания элементов прошлой жизни. Подобную роль могут выполнять лексические воспроизведения запахов, цветов, вкуса, и т.д., закрепленные в линейных текстовых связях слов. Функциональные качества слов *память* и *ностальгия* предстают в тексте романа двуплановыми. *Память* и *ностальгия* – для одного субъекта и как *содержание воспоминаний* – для другого, т.е. выступают в статике и динамике. Как уже указывалось, *память* и *ностальгия* являются в романе ключевыми понятиями, а следовательно, обозначающие их лексемы имеют высокий ранг, так как и *время*, и *пространство* прослеживаются и раскрываются в своем содержании только через *призму памяти* и тесно связанной с ней *ностальгии*. Лексемы *память* и *ностальгия*, по определенным в их содержании смыслам, вызывают у субъектов совершенно различные ассоциации, что раскрывает и демонстрирует их картину мира. Следовательно, вышеназванные лексемы создают сквозную линию в организации лексической структуры текста.

Любое художественное произведение представляет собой порождение сознания автора и является реализацией его замысла. В свою очередь, замысел текста проявляется в сознании его создателя, а событийный план текста художественного произведения соответственно раскрывается в пространственных и временных параметрах. Так, одной из главных особенностей в лексической организации текста романа «В поисках грустного бэби» является совмещение, пересечение, неразрывность *пространства* и *времени*. Например: «*В 1969 году, во время боев на советско-китайской границе, мне случилось быть поблизости, в Алма-Ате. Однажды в ресторане гостиницы я оказался за одним столом с офицером-ракетчиком*»; «*В 1952 году девятнадцатилетним провинциальным студентом случилось мне попасть в московское “высшее общество”*».

Соотнесение в анализе содержательных пространственно-временных универсалий текста может вызвать вполне закономерный вопрос о вос-

приятию этих универсалий каждым из субъектов, т. е. о лексической экспликации субъекта-повествователя и субъекта повествования. Для первого такой лексической экспликацией является восприятие движения времени в различных ситуациях; преломление времени в сознании характеризует каждого из них, поскольку время в художественном тексте отличается от времени, объективно данного. Первое использует все многообразие восприятия существующих реалий и является одной из форм отражения этих реалий.

В тексте романа В. Аксенова *время* укладывается в различные языковые модели и становится разнообразным и многоликим. Вместе с тем *время* характеризуется в тексте не только соотносительностью с его значениями, но и актуализацией текстового смысла, наполненного знаниями о мире и личном субъективном восприятии. Как правило, время в романе отмечено знаком какого-либо события. Таким образом, сам фактор событийного наполнения – это один из главных признаков, по которому процесс протекания времени значительно противопоставлен другим факторам. Например: «*Последний день этого путешествия стал довольно важной вехой в моей биографии: 21 января 1981 года после захода солнца я узнал, что не являюсь больше гражданином СССР*».

Внутренними ориентирами лексической организации текстовых фрагментов выступают *пространство* и *время*: событие во времени, соотношенное со временем и локализованное в пространстве, является определяющим в самосознании субъекта повествования. Например: «*Несколько лет назад, когда в Европе происходили массовые антиамериканские демонстрации, случилось мне беседовать на эту тему с одним важным лицом в Вашингтоне*»; «*После летней духоты и долгой прозрачной осени (и то, и другое столь не похоже на Россию) наступает середина января, и в Вашингтоне недели на три воцаряется настоящая русская зима...*».

Таким образом, анализ текстообразующей роли пространственных и временных номинаций позволяет сделать вывод о неразделенности понятий пространства и времени как об одном из факторов, оказавших огромное влияние на лексическое структурирование романа В. Аксенова «В поисках грустного бэби».

Литература

Аксенов В.П. В поисках грустного бэби. М., 1991.

Грушина Л.П. Когнитивный взгляд на художественный текст // Социально-экономические проблемы развития России : региональный аспект. Кемерово, 2004.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова и др. М., 1997.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова : 4-е изд., доп. М., 1999.

Чернейко Л.О. Способы представления пространства и времени в художественном тексте // НДВШ. Филол. науки. 1994. № 2.

Чернейко Л.О. Субъективное время и способы его выражения в художественном тексте // Вопросы русского языкознания. Вып. 8. М., 2000.